

Известия о том, что Великий Бог Ван Цинъюнь собирается появиться в новой аудиодраме вскоре дошло до ушей Сянь Цая через группу пост-продакшн.

Ему не терпелось поработать с Ван Цинъюнем, но он не ожидал, что это произойдет так скоро.

guess: Юнь Да играет главную роль?

[Голоса Цзюсяо - Пост-продакшн] Не, он очень занят в 3-D мире и может сыграть только вспомогательную роль как приглашенный гость.

[Голоса Цзюсяо - Пост-продакшн] Но, если мы пригласим Юнь-сама даже для cameo, любая наша драма обязательно станет горячей!

[Голоса Цзюсяо - Пост-продакшн] Сяо guess, ты должен хорошо выступить, у нас есть три эпизода, нацеленных на тебя ~ ~

guess: Хорошо, мне надо усердно трудиться!

guess: Но в последнее время... я могу закончить черновые записи на несколько дней попозже... записывать неудобно.

[Голоса Цзюсяо - Пост-продакшн] Ха? Ты занят в 3-D мире?

guess: Нет.

guess: У меня нет звукозаписывающего оборудования. Я временно пользовался тем, что есть в школе, но в последнее время кабинет для занятий вокалом все время занят. Я могу только воткнуться в перерыве.

[Голоса Цзюсяо - Пост-продакшн] Окей, как сделаешь, так и сделаешь.

Девушка из команды пост-продакшн была очень разговорчивой. Она знала, что Сянь Цай был студентом, поэтому не принуждала его закончить сырые записи немедленно. Она только попросила его сделать все как можно быстрее.

Палец Сянь Цая коснулся экрана, и он отправил ей в ответ стикер с хипповым улыбающимся лебедем.

Но если бы девушка из пост-продакшн в этот момент стояла перед ним, то обнаружила бы, что улыбки на его лице нет и в помине, а выражение – равнодушное, будто оно существует само по себе, независимо от живого и милого мальчика в интернете.

Все это было потому, что кабинет для занятий вокалом занимали не другие ученики, а производственная команда «Из моего мира».

Сначала кастингом занимались только продюсер и режиссер. Затем приехали сценарист и автор китайских текстов песен. Они остановились в отеле прямо напротив школы и появлялись в кампусе каждый день. Иногда они наблюдали за занятиями по специальности балетного класса, иногда обсуждали проблемы с педагогом по вокалу, иногда появлялись в столовой... Один раз Сянь Цай встретил их на первом этаже общежития, опустил голову и поспешил прочь.

Основная творческая команда мюзикла, казалось, выросла тут корнями. Изначально по расписанию они должны были остаться в школе на две недели, но в мгновение ока прошел уже целый месяц.

Город Хуа располагался на севере, поэтому осень здесь была короткой, и в мгновение ока лето сменялось поздней осенью. Через несколько дней после того, как опадали листья деревьев гинкго, наступало время зимы.

Яркий контраст между сезонами породил у Сянь Цая иллюзию, что творческая команда мелькала у него перед глазами долго, так долго, что, если бы даже он заткнул уши и не стал обращать внимания на все эти слухи, в него бы все равно влились бесчисленные новости со всего мира.

Взять, к примеру, Чэнь Цзыжаня, сидевшего позади него. У того как раз были и друзья по всему миру, и множество источников информации. Каждый раз, как дул ветер, он кричал, чтобы об этом узнал весь мир.

Во время десятиминутной перемены между уроками Чэнь Цзыжань уселся на стол и снова стал вещать:

- На этот раз на кастинг повели всех парней из балетного отделения от 16 до 18 лет, всего 52 человека. Но на участие в отборе записались всего 26.

Кто-то спросил, почему.

- А какая может быть еще причина? Они считают, что репетиции мюзикла – пустая трата их драгоценного времени для танцев. Грубо говоря, они все недалновидны и боятся, что их не выберут, – Чэнь Цзыжань изогнул губы и продолжил:

- Все двадцать шесть прошли первоначальный тест, а потом их упаковали и отправили заниматься вокалом.

- О~, - подхватил кто-то, - а я-то гадал, почему каждый день во время самообучения кабинет для занятий вокалом закрыт, и мне не разрешили им пользоваться. Смею утверждать, что там сидят маленькие лебеди!

Сянь Цай наострил уши: «Маленький Лебедь» - это имя так знакомо звучало из уст Ван Цинъюня и было наполнено нежностью и состраданием. Однако, когда он услышал его от других людей, оно только нарушило мирное настроение.

Сянь Цай не сказал ни слова, только переворачивал шуршащие страницы.

Чэнь Цзыжань на заднем ряду продолжал разглагольствовать:

- После экзамена по вокалу они вывели целых пятнадцать кандидатов!!! - он прикрыл свой живот и упал на одноклассников. - Кто мог подумать, что эти двадцать или около того маленьких лебедей вообще в ноты не попадают. Так много!!! А остальные не смогли запомнить тексты!!!

Чэнь Цзыжань болтал, болтал и болтал бесконечно, а в его все время тоне отчетливо ощущался лимонный запах.

- Короче, режиссер реально не знает, что и думать. Они хороши в балете, но это же мюзикл. Разве акцент не должен быть на музыке? И они действительно думали, что, если пойдут на отделение Балета и поймут там несколько утят, те будут профессиональней нас играть и петь лучше, чем мы? - он внезапно остановился, глядя вперед. Его рука сначала поднялась высоко вверх, а затем, хлопнув, тяжело приземлилась на плечо Сянь Цая.

- Кстати, о том, кто хорошо умеет танцевать балет и хорошо поет, я в жизни видел одного такого - это Маленький Принц из нашего класса!

Но как только его слова прозвучали, Сянь Цай вдруг встряхнулся и бесцеремонно сбросил ладонь одноклассника. Он встал и выпрямился, сунув руки в карманы школьной формы. Лицо у него при этом оставалось очень спокойным.

Вокруг все затихло.

Сянь Цай не взглянул в глаза ни одному человеку, просто прошептал:

- Извините, мне надо выйти в туалет.

Затем он миновал толпу одноклассников, и вышел из шумного угла школьного кабинета.

Чэнь Цзыжань в полном недоумении уселся на стол, скрестив ноги, и спросил:

- Нет... нет, разве я им не хвастался? Маленький Принц из нашего класса разозлился?

Ци Цзи согнулась и надула губы, все ее лицо сморщилось.

- Чэнь Цзыжань, вот почему у тебя рот так сильно поломался?!

Тот вскочил и сказал:

- Цзинь Ци Цзи, ты меня все ругаешь и ругаешь, можешь сама сначала проглотить то, что у тебя в рту, а потом говорить?! Смотри-ка, ты на меня слюной набрызгала, теперь у меня вся грудь в масле, ты будешь должна это отстирать!

Казалось, что у ног Сянь Цая появилась своя собственная воля. Когда он понял, что произошло, то уже стоял перед кабинетом учителя Чу Пин.

Это был кабинет, в котором сидели все классные руководители музыкально-танцевального отделения, а отдельная комната заведующего находилась напротив этого большого кабинета.

Правая рука Сянь Цая замерла в воздухе, на расстоянии менее одного сантиметра от поверхности двери.

Голос в сердце подталкивал его: стучи, быстро стучи, стучи в дверь, найди учителя Чу, заведующего отделением, и всех, кого сможешь найти! Скажи им, что ты хочешь участвовать в отборе на главную роль «Из моего мира»! Скажи им, что хочешь стоять на сцене, несмотря на то что у тебя травма ступни!

Он не знал, сколько раз смотрел мюзикл «Из моего мира». Он выучил все песни из него и мог прочитать наизусть все стихи, не глядя в ноты.

Каждый раз, когда он видел этот спектакль, его трогало упорство маленького Билли. Он думал о том, как сам когда-то в прошлом ворвался в танцевальный класс и, несмотря на сопротивление родителей, умолял его принять.

Он сам прошел через все невзгоды, которые испытал маленький Билли, а еще он испытал те трудности, которых у маленького Билли не было. И если команда должна выбрать исполнителя

роли из их школы, он был лучшим кандидатом!

Он мог громко петь, танцевать на сцене, делать великолепные движения.

Его голос и ноги могли бы выражать мечты, он...

...Он не был никчемным мусором.

Кровь хлынула в сердце, и, в то же время, грудь Сянь Цая наполнили мужество и упорство.

В конце концов, ему было семнадцать лет. Он все еще был подростком, и его жизнь только-только начиналась. Даже если он и столкнулся со страданиями, они не смогли погасить его надежду.

Он поднял правую руку, сжав ее в кулак, костяшки пальцев слегка опустились... Но он не ожидал, что дверь в кабинет была открыта - и как только он ее коснулся, дверь сдвинулась, приоткрыв щель. А из нее до Сянь Цая донеслись голоса Чу Пин и заведующего отделением.

Он слышал, как учитель Чу сказала:

- Неужели правда нельзя дать Сянь Цаю шанс? Состояние голоса у него хорошее, он делает быстрые успехи, и у него есть балетные навыки. Завтра утром основная творческая группа «Из моего мира» уезжает. Я хочу позволить Сянь Цаю показать свои возможности перед их отъездом.

Он слышал, как заведующий отделением произнес:

- В чем смысл просто показывать свои возможности? Если они его не выберут, этому ребенку будет еще больнее!

- Но это не обязательно будет неудача...

- Учитель Чу, я знаю, что вы расстраиваетесь из-за Сянь Цая. Но я тоже расстроен! Директор тоже расстроен! Лао Лю из отделения Балета все еще плачет каждый раз, когда она вспоминает об этом ребенке! Но какой смысл в наших страданиях? Вы можете быть реалисткой? В его деле написано черным по белому: четыре операции, бесчисленные стальные штыри, освобождение от спортивных экзаменов, пропущена половина от первого семестра занятий в танцевальном классе - вот это реальность!

- Но... но...

- Никаких «но»! – голос заведующего звучал как гром в надвигающихся облаках и тяжелых сумерках. – Сянь Цай не может играть главного героя «Из моего мира». К сожалению, это единогласный вердикт всех педагогов.

После этого заведующий отделением продолжил разговаривать с Чу Пин, но Сянь Цай ничего больше не слышал.

Он словно превратился в марионетку, в машину, в душу, которая больше не испытывала никаких чувств – ни печали, ни радости.

Он словно парил по воздуху, он словно упал в пропасть.

У него ничего не было. Он сам был ничем.

Он был Сянь Цаем, но Сянь Цай давно погиб в той аварии.

Он был отбросом, мусором, который думал, что может вернуться на сцену на своих ногах, но на самом деле все смотрели на такого никчемного человека, как он, с жалостью.

Ведь он на самом деле хотел сразиться с судьбой, но все, все, все уже знали, чем кончится дело.

Он не мог.

Он не мог.

Он не мог это сделать.

Он никогда не сыграет главного героя в «Из моего мира».

Он не мог рассказать всей публике о своей любви на сцене с помощью своих ног. А раньше эта идея пронизывала всю его жизнь.

Это была мечта, которой он гордился, думая, что ради нее он будет бороться за жизнь.

Но эта мечта разбилась... вечером, когда стрекотали цикады, в маленьком городке, который был его родиной, в месте, где не было ни одной камеры наблюдения, под колесами той бандитской машины.

...Все, чем он являлся, было сломано.

Он знал, что если будет усердно трудиться и будет готов платить, то когда-нибудь сможет стать главным героем в мюзикле. В мюзиклах не было слишком стремительных и трудных танцевальных движений, ему достаточно было того, что ноги ступали по земле, без прыжков, пробежек или вращений; он просто стоял бы там спокойно и пел в течение всей пьесы.

Таких мюзиклов было много.

Но все эти мюзиклы не были... они не назывались «Из моего мира».

Он никогда не сможет стать мальчиком в балетных туфлях по имени Билли Эллиот.

Звонок уже прозвенел два раза, зовя на урок, но Сянь Цай сидел на унитазе посреди туалета, глядя на паутину на потолке.

Он не знал, когда сюда пришел.

Он спокойно подумал, что дошел до туалета на паре ног, которую пока еще не выбросили на свалку.

Рядом с ним находилось окно. Глядя в него, Сянь Цай видел высокое небо и редкие облака – это была прекрасная картина поздней осени.

И это было так печально.

Вообще Сянь Цай жалел, что это окно было зарешечено.

Мобильник в его кармане вибрировал, не переставая. Сянь Цай взглянул на него и обнаружил, что это была Ци Ци.

Чудо-девушка: Сянь Цай, ты где?

Чудо-девушка: Быстрее возвращайся в класс!

Чудо-девушка: Это же не физкультура. Ты что, в общагу спать ушел?

Сянь Цай не ответил.

Он знал, что, как друг и юный джентльмен, не должен позволять девушке беспокоиться о себе.

Но теперь ему было все равно.

Иди в жопу, подумал он.

Он впервые выругался, но неожиданно почувствовал себя хорошо.

Он не хотел сейчас никого видеть, будь то Ци Цзи, Чэнь Цзыжань, учитель Чу, заведующий отделением, учитель У Цзи, педагог по вокалу... Он просто хотел провести день в тишине, там, где будет совершенно один.

Но в то же время другой голос говорил ему:

«Отпусти это. Выплесни всю боль, все слезы, все сожаления и обиды. Сорви все свои маски и перестань быть скромным и добрым ребенком, выплесни боль, которую ты чувствовал в своих ногах тысячу раз.

Или... ты можешь выпрыгнуть из этого окна.

Может быть, в другой жизни, ты станешь бабочкой, облаком, цветком или маленьким лебедем. Короче говоря, не будь больше Принцем Балета».

Сянь Цай держал телефон в руке и, не думая, проводил пальцем вниз, обновляя страницу, проводил и обновлял, проводил и обновлял.

Кажется, он нажимал на Вейбо и свою страницу контактов, но в конце концов открыл окно чата и нашел имя одного человека.

guess: Великий Бог, ты там?

guess: Мне сейчас очень плохо.

guess: Могу я с тобой поговорить?

Через полминуты экран телефона снова загорелся.

Имин Цинъюнь: Ты говори.

Имин Цинъюнь: Я слушаю.

Автору есть, что сказать:

Хэй, Цайцай!

(Я плакала, не знаю, как вы, ребята.)

<http://bllate.org/book/13905/1225474>